

ГОРБУНЪ,

или

ВЫБОРЪ НЕВЪСТЫ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БРЕМСЕНЪ, одесскій негодіантъ,
обрусѣвшій нѣмецъ.

АДОЛЬФЪ, его племянникъ, возвратившійся изъ Индіи.

ЕЛИЗАВЕТА, 20 лѣтъ }
ЕЛЕНА, 17 лѣтъ } дочери Бремсена.

ТРИКОПФЪ, мѣстный поэтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Одессѣ.

СЦЕНА 1.

Кабинетъ купца, съ особой отгородкой, окружающей конторку.

БРЕМСЕНЪ, *(одинъ, за конторкой, разсматриваетъ счеты и корреспонденцію).*

А новаго кассира все еще нѣтъ до сихъ поръ. Сегодня долженъ быть, а все нѣтъ еще. Посмотримъ, какой-то еще будетъ? А теперь-то именно мнѣ и нуженъ помощникъ.... Ну, посмотримъ, что тутъ такое? *(Разбираетъ бумаги.)* Изъ Манчестера прислали ситцевъ.... хорошо! Требуютъ пеньки.... Пошлемъ!... «На сахаръ можно сдѣлать славное дѣло». — Конечно! — «да и вообще цѣны на нѣкоторые предметы видимо поднимаются, благодаря войнѣ съ Турками». — А какъ подумаешь, какое славное это дѣло-война! Конечно, не вблизи; вблизи, оно дѣло неприятное, даже опасное; но издалека, и особенно въ нашемъ купеческомъ сословіи, ничего лучшаго и желать нельзя, кажется.... если есть у кого залежавшійся товаръ, и тотъ идетъ съ рукъ, а коли кто во время догадается, скупить въ однѣ руки, хоть бы напримѣръ, сахаръ, хлѣбъ или корицу, да повыдержитъ, понабьетъ цѣну повыше, такъ тутъ въ одинъ мѣсяць барыша можно нажить больше, чѣмъ въ другой хорошей годъ.... Я думаю, на биржѣ будетъ нынче суматоха. Который теперь часъ? *(Смотритъ на часы.)* чтобъ не опоздать только.... главное, не упустить бы изъ рукъ са-

хару; онъ и теперь уже по 9 рублей; черезъ недѣлю будетъ по 12, а черезъ двѣ, можно будетъ рубль на рубль взять.... а не будь войны, тотъ же сахаръ продавали бы въ убытокъ. Хорошее дѣло война! Однако, сахаръ, сахаръ! Какъ бы не упустить покупку. (Поетъ).

№ 1.

Вѣрнѣйшей операціи
Не встрѣтится опять;
Барышъ на ассигнаціи,
Въ недѣлю тысячъ пять!
Афера, просто, славная;
Какъ сахаръ закупию,
Такъ съ сахаромъ исправно я
Всей биржѣ насолю!...

Половина двѣнадцатаго.... Къ двѣнадцати надо быть на биржѣ.... Ахъ, чуть было не забылъ прочесть письма! (Распечатываетъ одно письмо.) Это изъ Макарьевской ярмарки: «Уральское желѣзо и чугуны вздорожали; велико требованіе въ Петербургъ и на оружейные заводы». Ну, такъ и есть; все по случаю войны.... (Распечатываетъ другое письмо.) Это откуда? Ба, изъ Петербурга, отъ брата. Добрый мой Францъ Иванычъ! Вотъ торговое-то дѣло! Лѣтъ двадцать не видались. Онъ въ Петербургѣ сидитъ за конторкой, а я вотъ въ Одессѣ. Дорого бы я далъ, чтобъ обнять его! Что-то онъ пишетъ? «Носятся слухи о запрещеніи вывоза хлѣба за границу. Надо его сбывать поспѣшиѣе. Держитесь крѣпко за колоніальный товаръ. ... особенно поднимайте сахаръ». Такъ, такъ я и говорилъ.... «Изъ Индіи возвращается

старшій сынъ мой, Адольфъ.... ѣдетъ на Одессу. Маленькій ловкій и предприимчивый. Въ Индію ѣздилъ не даромъ.... а если дочки твои не сговорены, такъ не отпускай Адольфа, не сдѣлавши дѣла. И зять, и помощникъ будетъ славный.... Пусть другъ другу приглянутся. Онъ дочерей твоихъ уже знаетъ по портретамъ, и, кажется, отъ нихъ безъ ума. Жени на той, которой онъ понравится, а молодыхъ препроводи ко мнѣ въ наличности, сполна и безъ замедленія». (*Складываетъ письмо и встаетъ.*) А чтожь? и въ самомъ дѣлѣ! Дѣвочки мои недурны. Мнѣ, старику, возиться съ ними некогда.... онѣ все однѣ, да однѣ.... безъ матери.... Ну, да и дѣла мои пойдутъ поскорѣе. Помощникъ.... съ капиталомъ отдѣльнымъ, и самостоятельнымъ, съ опытностію, ловкій. Давай Богъ поскорѣе такого гостя.... Пусть только посватается, а между тѣмъ сахаръ мы спустимъ съ рукъ, на барыши сыграемъ свадьбу, а тамъ соединимъ капиталы, работа и барыши пополамъ, да на бланкахъ для нашей корреспонденціи и отпечатаемъ огромными буквами новую фирму: Россійскій торговый домъ Бремсенъ и...

СЦЕНА 2.

БРЕМСЕНЪ и АДЛЬФЪ.

АДЛЬФЪ, (*обнимая дядю*).

... и компанія! почтеннѣйшій дядюшка!...

БРЕМСЕНЪ.

Какъ... вы... ты... вы, Адольфъ! Ты уже здѣсь, изъ Индіи? Такъ скоро? ты сынъ Франца?

АДОЛЬФЪ.

Я самый... торопился дядюшка... по прямой доро-
гѣ: на Константинополь.

БРЕМСЕНЪ.

Какъ же, въ теперешнее время?

АДОЛЬФЪ.

На турецкой фелукъ, дядюшка.

БРЕМСЕНЪ.

Ну, молодецъ, братъ! Дай-ко взглянуть на себя. Вы-
литый отецъ! Вотъ такимъ-то зналъ я своего Фран-
ца.... Какъ подумаешь, однакожь, время-то какъ ле-
титъ! Двадцать лѣтъ не видались.... Ну, очень радъ,
очень радъ! Однакожь, ты посиди здѣсь.... а мнѣ на-
до на биржу.... не упустить бы сахару.... Ба! да это
чтожь у тебя такое? Развѣ ты горбатый?

АДОЛЬФЪ (*весело*).

Это, такъ, ничего, дядюшка. Это индѣйская мода....
А вотъ сбѣгаю, переодѣнусь....

БРЕМСЕНЪ.

Но ты богатъ, по крайней мѣрѣ?

АДОЛЬФЪ.

Какъ вамъ сказать, дядюшка? Кромѣ горба ничего не имѣю.

БРЕМСЕНЪ.

Что, ты терпѣль кораблекрушеніе?

АДОЛЬФЪ.

Терпѣль, дядюшка, но....

БРЕМСЕНЪ.

Вотъ она, торговля-то! Ну, да впрочемъ бѣда не большая! Я вернуся скоро, ты мнѣ все расскажешь обстоятельно. Рафинадъ на биржѣ продають; надо поторопиться.... Да, да, всемъ бы молодецъ; жаль, что на спинѣ-то у тебя такой сахаръ, то есть горбъ, хотѣлъ я сказать. Ну, посиди-ко въ конторѣ, а я сейчасъ вернусь.

АДОЛЬФЪ.

Я хотѣлъ бы переодѣться.

БРЕМСЕНЪ.

Успѣешь послѣ.... посиди здѣсь.... побереги контору. По 9 рублей за пудъ! Если взять тысячь на двадцать.... А какъ на отца-то похожъ! Ну, прощай!
(Уходитъ.)

СЦЕНА 3.

АДОЛЬФЪ (*одинъ*).

Чудакъ, а добрый человѣкъ долженъ быть мой дядюшка. Онъ, какъ кажется, уже мечтаетъ о фирмѣ Бремсена и компанія. Да что же, и я не прочь; Индѣйская жизнь вотъ гдѣ у меня сидитъ. Сестрицы мои хороши, какъ день, если судить по портретамъ, которые въ прошломъ году батюшка прислалъ мнѣ въ Калькутту. А съ портретами было приказаніе, чтобы я, по окончаніи калькутскихъ дѣлъ, побывалъ въ Одессѣ и женился бы на одной изъ кузинъ. (*Садится за конторку.*) Уфъ! Пора, давно пора мнѣ промѣнять мою кочевую жизнь на осѣдлую, семейную. Дядюшка всегда велъ дѣла свои счастливо. Состояніе у него должно быть хорошее. Но не въ томъ дѣло. Главное— найти въ женѣ любящее сердце, пожалуй немножко ума въ придачу не мѣшаетъ. Хорошо бы пожить наконецъ для себя?... Однако, гдѣ же моя комната, надо переодѣться. А.... вотъ и кузина, кажется. Это старшая.... (*Встаетъ, хочетъ выдти изъ-за рѣшетки конторки, но въ это время изъ боковыхъ дверей входитъ Елизавета, съ книгою въ рукахъ. Адольфъ прячется за рѣшеткой.*)

СЦЕНА 4.

ЕЛИЗАВЕТА, АДОЛЬФЪ.

ЕЛИЗАВЕТА (*смотритъ въ книгу и декламируетъ*).

И скучно, и грустно, и не кому руку подать
Въ минуты душевной невзгоды!

Что пользы напрасно и вѣчно желать!
А годы проходятъ.... все лучшіе годы!
Любить? Но кого же? На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить—не возможно!
Въ себя ли заглянешь, — тамъ прошлаго нѣтъ и
слѣда—
И радость, и муки, и все такъ ничтожно!
Что страсти? Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій
недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка!...
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вни-
маньемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

АДОЛЬФЪ.

Читаетъ Лермантова! Какъ идутъ къ ней эти пре-
красные стихи!

ЕЛИЗАВЕТА.

Однако, уже 12 часовъ.

СЦЕНА 5.

ЕЛИЗАВЕТА, АДОЛЬФЪ и ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА (*входитъ*).

А, ты здѣсь? Я тебя вездѣ искала.

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сторону*).

Какая она несносная! За чѣмъ она сюда пришла?

АДОЛЬФЪ.

И эта хороша! Вотъ задача теперь: какую выбрать?

ЕЛЕНА.

Я пришла сказать тебѣ новость.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какую новость? Не могла ты найти другаго времени!...

ЕЛЕНА.

Варенька Коримова выходитъ за-мужъ. Сегодня обручили.

ЕЛИЗАВЕТА.

За-мужъ? за кого это?

ЕЛЕНА.

За Графа Мисхорина.

ЕЛИЗАВЕТА.

За старика?

ЕЛЕНА.

Представь себѣ, за старика! Ей 17 лѣтъ, а ему подь 70. Что ты на это скажешь?

ЕЛИЗАВЕТА.

Что! Я нахожу, что если она его любить, она хорошо дѣлаетъ. Любовь все извиняетъ.

ЕЛЕНА.

Да развѣ можно любить старика?

ЕЛИЗАВЕТА.

А почему-жъ нѣтъ? Ты судишь, какъ ребенокъ. Любовь похожа на милосердіе: она не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности.

АДОЛЬФЪ.

Какія прекрасныя чувства! Я бы выбралъ эту.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, да! Я чувствую, что я могла бы посвятить жизнь свою для счастья человѣка обиженнаго, забытаго, отверженнаго, даже безобразнаго. Понимаешь ли, какъ благородно, какъ высоко—этрадио сказать себѣ: онъ жалокъ, онъ ничтоженъ, онъ несчастливъ, онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ,—но я замѣняю ему всю Вселенную! Для него я лучше почестей, славы, красоты и молодости. Для него—я вся жизнь его, радость въ настоящемъ, надежда въ будущемъ. Мною онъ живетъ, и кромѣ меня—нѣтъ ему убѣжища на свѣтѣ.

ЕЛЕНА.

Такъ ты вышла бы за урода?

ЕЛИЗАВЕТА.

Безъ сомнѣнія.

ЕЛЕНА.

Какъ? за калѣку, стараго, безобразнаго, лысаго, гадкаго, горбатаго?

ЕЛИЗАВЕТА.

Конечно,—если въ немъ душа только хороша.

АДОЛЬФЪ.

Это ангель, а не женщина!

ЕЛЕНА.

Ну, нѣтъ, извини, я съ этимъ не согласна. Что за радость имѣть всегда передъ глазами какое нибудь чудело. На то и даны глаза, чтобы любить привлекательное.

АДОЛЬФЪ.

Ну, эта, кажется, съ чувствами довольно пошлыми.

ЕЛЕНА.

Что до меня касается, я бы хотѣла мужа молодатаго, котораго я могла бы долѣше любить; недурной наружности, чтобы мнѣ весело было на него глядѣть,—и наконецъ, съ состояніемъ, чтобы жить не въ нуждѣ и оставить что нибудь дѣтямъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Избавь меня отъ этихъ прозаическихъ расчетовъ.

(Вздыхая.) Видно онъ нынче не будетъ. Для тебя жизнь такъ рѣзко, такъ опредѣлительно выражается. Ты не понимаешь неясныхъ стремлений души.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, не понимаю.

ЕЛИЗАВЕТА.

Гдѣ тебѣ!... Нѣтъ, тебѣ не понять тайнаго плача сердца, когда оно взываетъ къ небу. Ты не можешь постигнуть, сколько живительной силы можетъ имѣть одинъ взглядъ, полный сочувствія, одно простое слово, ничтожныя рѣчи, которыя только для насъ имѣютъ смыслъ.

ЕЛЕНА.

Охота тебѣ все читать такія грустныя стихотворенія, и все о любви.... Нѣтъ, по моему, на все есть время. Придетъ пора.... будемъ любить, выйдемъ замужъ....

№ 2.

(Поэтъ.)

Дѣвичье значенье
Вотъ, кажется, въ чемъ:
Души нетерпѣнье
Держать подъ ключемъ.
Имъ думать не надо
Какъ мужа добыть.
Найдется—такъ рада,
А нѣтъ—такъ и быть!

Что думать, какъ далѣ
Жизнь кончимъ свою?!
Покаместъ на балѣ
Я польку люблю.
Непрочъ я мазурки,
Коль гладокъ паркетъ,—
Супружество—жмурки,
А молодость—свѣтъ.

На все свое время,
Но лучше—пока
Свобода не бремя
И жизнь такъ легка.
А время найдется
Мечтать о любви
Покаместъ живетъся;
Тогда и живи!

Дѣвичье значенье
Вотъ, кажется въ чемъ:
Души нетерпѣнье
Держать подъ замкомъ.
Имъ думать не надо
Какъ мужа добыть:
Найдется—такъ рада,
А нѣтъ—такъ и быть!

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сторону*).

Нѣтъ, видно не будетъ. Да и лучше. (*Ей.*) Пойдемъ въ мою комнату. Я тебѣ покажу послѣдній номеръ Современника.

ЕЛЕНА.

За чѣмъ ннѣ онъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Въ чтеніи, мой другъ, лучшая отрада, лучший отдыхъ отъ вседневной суеты. Пойдемъ. (*Въ сторону.*) Хорошо, что онъ не пришелъ.

СЦЕНА 6.

АДОЛЬФЪ (одинъ.)

Чудо.... прелесть. Умъ.... красота.... глубина чувства.... Въ ней все; я буду любить Елизавету мою безъ ума. Какъ хорошо я сдѣлалъ, что бросилъ свою Индію, и такъ поторопимся. Да нѣтъ, я не достоинъ ее; я веселый, беззаботный мальчуганъ,— а для нее нуженъ человѣкъ съ необыкновенными достоинствами. Она не захочетъ любить меня. Что я передъ ней.... она красавица,— а я красотой никогда не славился. Впрочемъ, отъ мужа красоты не требуется.

№ 3.

Когда ужъ рѣчь идетъ о мужѣ,
О томъ чтобъ, вѣчно жить вдвоемъ;
Тотъ, право лучше, кто похуже:
Онъ не измѣнится ни въ чемъ.
Хоть красота съ ума всѣхъ сводить,
Но въ красотѣ одна бѣда;
Что скоро красота проходитъ,
А безобразье никогда!

Да впрочемъ, чего я боюсь? Она сама говорила, что любовь не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности,—что, она можетъ выдти за-мужъ за человѣка отверженнаго, безобразнаго. Вѣдь я, наконецъ, не такъ уже дурень. Рѣшено, сейчасъ же пріодѣнусь.... и съ перваго дня объявлю свое намѣреніе.

СЦЕНА 7.

АДОЛЬФЪ и ТРИКОФЪ.

ТРИКОФЪ (*входитъ на цыпочкахъ*).

Тсъ.... тсъ.... ты здѣсь....

АДОЛЬФЪ.

Это что за голось?

ТРИКОФЪ.

Гдѣ ты, моя желанная, послѣдняя искра потухшаго сердца, роскошное свѣтило моего мрачнаго горизонта.

АДОЛЬФЪ.

Это что-то подозрительно.

ТРИКОФЪ.

Отець твой вышелъ. Насталь вожденный часъ свиданья. Я немного опоздаль сегодня. Ты сердисься? Я слышу шорохъ твоего платья. Отвѣчай же.... Дай услышать небесный твой голось.... Здѣсь ты?

АДОЛЬФЪ, (*за рѣшеткой, басомъ*).

Здѣсь!...

ТРИКОФЪ, (*отскакивая съ испугомъ*).

Это что такое.... ужь не западня ли? Отколотять пожалуй! Кто тамъ?

АДОЛЬФЪ, *(выходя)*.

Честь имѣю рекомендоваться, прошу любить и жаловать.

ТРИКОФЪ.

Да вы-то сюда какъ попали? Ахъ, какой я безтолковый. Это новый кассиръ, котораго сего дня ожидали. Здравствуйте, любезнѣйшій; давно вы здѣсь?

АДОЛЬФЪ.

Недавно-съ; съ полчаса.

ТРИКОФЪ.

Хорошее у васъ мѣстечко тутъ?

АДОЛЬФЪ.

Да-съ, покаместъ не дурно. Не знаю что будетъ дальше...

ТРИКОФЪ.

Смотрите, ведите счета аккуратно.... Вы видно привыкли къ сидячей жизни. У васъ и спина-то такая?.... *(Хлопаетъ по спинѣ.)* Однакожъ, о томъ, что вы меня здѣсь видѣли, ни полслова, слышите ли?

АДОЛЬФЪ.

Смѣю ли я?

ТРИКОПФЪ.

А что касса въ хорошемъ состояніи... какъ вы думаете, по сколько придется каждой дочери г. Бремсена?

АДОЛЬФЪ.

Да, если она за васъ выйдетъ, такъ ей придется не много.

ТРИКОПФЪ.

Что это ты говоришь, любезный?

АДОЛЬФЪ.

Теперь у насъ всѣ капиталы въ оборотѣ. Счетовъ не сводили. Торговое дѣло, знаете, невѣрное.

ТРИКОПФЪ (*въ сторону*).

Не поторопился ли я?....

АДОЛЬФЪ.

Вѣроятно, вы главный повѣренный Г. Бремсена?

ТРИКОПФЪ.

Ну, нѣтъ, братецъ.

АДОЛЬФЪ.

Можетъ быть компаніонъ.

ТРИКОФЪ.

Ну, нѣтъ, и не компаніонъ.

АДОЛЬФЪ.

Родственникъ?

ТРИКОФЪ.

Не совсѣмъ еще.

АДОЛЬФЪ.

Такъ кто же вы такой?

ТРИКОФЪ.

Я, братецъ, человѣкъ, о которомъ и вы, вѣроятно, слыхивали.

АДОЛЬФЪ.

Можетъ быть.... но кто же?...

ТРИКОФЪ.

Я, любезный?... Я самъ Трикофъ.... Аполлонъ.

АДОЛЬФЪ.

Трикофъ?

ТРИКОФЪ.

Извѣстный, братецъ, сочинитель.... Вы, можетъ

быть, читали.... мои Облака и Туманы, Порванные струны.... Это все мое.... и большую мою диссертацию.... Нѣчто о вѣчности.

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ-съ, грѣшный человѣкъ, не читалъ.

ТРИКОПФЪ.

Я тотъ самый, о которомъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1849 года, въ 11 номерѣ сказано: «у г. Трикопфа слогъ чистый, правильный и даже изящный.» Обо мнѣ даже въ одной періодической газетѣ отзывались съ похвалой! (*Въ сторону.*) Кстати, я послалъ редактору два фунта Турецкаго табаку изъ Одессы.

АДОЛЬФЪ (*разспянно*).

Да-съ. Это все очень приятно. (*Въ сторону.*) Какъ бы узнать: для которой онъ приходилъ. Неужели для Елизаветы. Нѣтъ; быть не можетъ! Она съ такими глубокими чувствами! Вѣрно для этой вертлявой Елебы. (*Ему.*) Скажите, однакожь, г. Кнопфъ, какъ нишь ваша фамилія...

ТРИКОПФЪ.

Трикопфъ.... Аполлонъ....

АДОЛЬФЪ.

Съ вашими блестящими способностями... вы, вѣрно, имѣете большіе успѣхи... въ особенности у женщинъ?...

ТРИКОПЪ.

Да, не безъ того.

АДОЛЬФЪ.

Да и здѣсь, кажется, въ домѣ?

ТРИКОПЪ.

Шш.... шш.... ни слова объ этомъ. Отецъ еще ни чего не знаетъ.

АДОЛЬФЪ.

Не знаетъ?... А дѣло далеко зашло.

ТРИКОПЪ.

Покажѣсть еще въ облакахъ, на землю еще не спускаемъ. По второе Октября она созналась мнѣ, что она ко мнѣ не равнодушна,—позволила ей говорить ты.

АДОЛЬФЪ.

И здѣсь у васъ свиданье?

ТРИКОПЪ.

Здѣсь, каждый день.... Я караулю на улицѣ, когда отецъ выйдетъ. Это значитъ двѣнадцать пробило. Старикъ аккуратный, идетъ на биржу.... а меня здѣсь ожидаетъ она.

АДОЛЬФЪ.

Которая же?....

ТРИКОПЪ.

Только смотрите, пока не говорите....

АДОЛЬФЪ.

Да которая же?....

ТРИКОПЪ.

Вы меня еще выдадите. Вы кассиры, люди опасные!

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, напротивъ; я помогу вамъ, какъ хотите.

ТРИКОПЪ.

А въ самомъ дѣлѣ, можно бы было у него занять денегъ.... на счетъ будущихъ благъ....

АДОЛЬФЪ.

Скажите, которая?....

ТРИКОПЪ.

Да что это васъ такъ интересуесть?... Ну, извольте, я вамъ скажу. Только, чуръ, никому.... (Оглядывается.)

АДОЛЬФЪ:

Никому....

ТРИКОПЪ.

Вотъ, видите ли, это случилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Представьте себѣ....

(Голосъ Бремсена за кулисами.)

Скажите кассиру, чтобъ онъ дожидался!

ТРИКОПЪ.

Вотъ-те на!... Старикъ вернулся не въ примѣръ, рано.... я зайду послѣ.... Теперь не хорошо, если съ вами увидить.

АДОЛЬФЪ.

Да которая же??....

ТРИКОПЪ.

Но я первый разъ. Я отсюда юркну.... Объ дѣльцѣ послѣ поговоримъ.

СЦЕНА. 8.

БРЕМСЕНЪ и АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ

Которая же? Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія... Елена... та бы не полюбила такого пошлаго болвана.

БРЕМСЕНЪ.

Ну, вотъ и я весь на лицо. Нынче, братецъ, славный для меня день въ итогѣ. Рафинадъ весь купленъ, и ты пріѣхалъ. Представъ себѣ, въ одно утро полтину на рубль успѣли набавить. Видно, поняли въ чемъ дѣло. Да и я не промахъ. Да-съ, по 9 рублей 75 копѣекъ... и все забралъ, все... ничего не оставилъ. Захочу, такъ вся Одесса будетъ пить чай съ медомъ. Сахару ни куска. Все у меня. Весь капиталъ убухалъ. Черезъ недѣлю шесть гривенъ на рубль возьму... Каково распоряжаюсь?

АДОЛЬФЪ.

Прекрасно, дядюшка! (*Въ сторону.*) Онъ и не подозреваетъ, что у него происходитъ въ домѣ! (*Ему.*) Дядюшка, я бы хотѣлъ переодѣться...

БРЕМСЕНЪ.

Пустяки, братецъ; успѣешь еще. Пойдемъ завтракать вмѣстѣ, да потолкуемъ, а тамъ и влюбиться успѣешь.

№ 4.

Законъ всегдашній у меня:
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня,—
И полагаться на желудокъ!

АДОЛЬФЪ.

Вмѣстѣ {
Хочу отъ нынѣшняго дня
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня—
И полагаться на желудокъ!

БРЕМСЕНЪ.

Вмѣствъ { Законъ всегдашній у меня:
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня—
И полагаться на желудокъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА 9.

ТРИКОПЪ и ЕЛИЗАВЕТА.

ЕЛИЗАВЕТА.

Говорятъ, Адольфъ пріѣхалъ. Такъ и есть: батюшка съ кѣмъ-то разговариваетъ... Объ Индіи... Онъ, точно. Какой пріятный голосъ! Ему лѣтъ тридцать, не больше будетъ. У него мой портретъ въ голубомъ платьѣ... Кого же онъ выберетъ? Пойду переодѣться поскорѣе. *(Трикопфу.)* Вы здѣсь за чѣмъ?

ТРИКОПЪ.

Какъ за чѣмъ? Теперь время чтенія нашего.

ЕЛИЗАВЕТА *(съ досадою).*

Нѣтъ, теперь вовсе не время.

ТРИКОПЪ.

Быть можетъ... Что такое время? Простой физиологическій анализъ нашихъ душевныхъ манифестацій.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мнѣ некогда теперь....

ТРИКОПЪ.

Какъ дивно хороша ты сегодня съ твоею блѣдно-меланхолическою женственностію. Дай мнѣ руку, прекрасный другъ мой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Съ чего вы взяли? Что, вы съ ума сошли?

ТРИКОПЪ.

Не съ чего. Я ни съ чего не взялъ.... Не ты ли сама?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Пожалуйста, не говорите мнѣ ты.

ТРИКОПЪ.

Не сама ли ты позволила? Развѣ забыла ты уже незабвенный день 2-го Октября?

ЕЛИЗАВЕТА.

Ну, что тутъ помнить? Ребячество было, шалость. Отъ скуки стихи начали читать, а вы подумали, я не знаю что!

ТРИКОПЪ.

Нѣтъ, я очень знаю. Вы мнѣ говорили, что наши

души сестры по страданіямъ, по этому паренію къ высшему, что вы ни въ грошъ не ставите, презираете, хотѣлъ я сказать, законы свѣта и цѣли приличій. Такъ докажи мнѣ это теперь. Уйдемъ, убѣжимъ на край свѣта!

ЕЛИЗАВЕТА (*съ сторону*).

Жаль, что локоновъ не успѣю распустить.... они мнѣ очень къ лицу.

ТРИКОФЪ.

Ты думаешь, ты колеблешься? О, свѣтлая мечта души встревоженной и пылкой! Не дразни меня своимъ притворнымъ равнодушіемъ. Ты знаешь, я легковѣренъ, я доврчивъ, какъ малое дитя, ты укротила это львиное сердце, эту необузданную волю! Хочешь ли-я буду плакать, умолять тебя? Но нѣтъ! Я вѣрю въ твою искренность, я буду глядѣть на тебя, я положу голову мою на твои колѣна и засну безмятежнымъ сномъ ребенка.

ЕЛИЗАВЕТА (*холодно*).

Вы никому не сказывали о нашихъ чтеніяхъ?

ТРИКОФЪ.

Небу, звѣздамъ, вѣтру, волнамъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

А людямъ?... людямъ?

ТРИКОФЪ.

Обидно мнѣ твое подозрѣніе. Я храню въ сердцѣ твою любовь, какъ перль въ раковинѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да перестаньте говорить про любовь. Теперь не то на умѣ вовсе.

ТРИКОФЪ.

Ты встревожена! Неужели набѣжало зловѣщее об-
ко на свѣтлое небо нашей симпатіи? Скажи мнѣ, что
заставило тебя содрогнуться, моя лилія?

ЕЛИЗАВЕТА.

Да перестаньте же. Дайте слово, что вы никогда,
никому не расскажите....

ТРИКОФЪ.

Чего?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Да про эти чтенія.

ТРИКОФЪ.

Но почему же?...

ЕЛИЗАВЕТА.

А потому, что я хочу это все забыть... Не все же
въ самомъ дѣлѣ, мечтать! Не могу же я пожертвовать

своей судьбы однѣмъ мечтамъ. Прощайте, бѣдный другъ, когда вы станете читать Пушкина, Лермантова-вспомните обо мнѣ. А теперь, не удерживайте болѣе. Союзъ нашихъ сердецъ долженъ рушиться! У меня есть высшія обязанности.... я должна итти одѣться.

отъ св. архіеп. Леопол. **ТРИКОФЪ.** отъ епископа Леопол.

Да погоди же!...

ЕЛИЗАВЕТА.

Не останавливайте! Я высказала приговоръ намъ обоимъ. Тяжело, а дѣлать нечего!

ТРИКОФЪ, *(бѣгалъ съ бѣшенствомъ).*

Нѣтъ! Дудки!... Шалишь!... А танде!... Что же ты думаешь, что меня можно провести въ самомъ дѣлѣ, какъ пошлаго дурака? Нѣтъ, извини! Или ты будешь моей женой, законной, что называется супругой, съ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, или я тебя обезславлю на весь городъ. Прошу покорно! Шалость, ребячество.... Хорошо ребячество! Нѣтъ ужъ въ самомъ дѣлѣ, это изъ рукъ вонъ! Чтобъ я шесть недѣль даромъ каждое утро поролъ такую галиматью, какъ будто бы мнѣ по 30 руб. съ листа платили; а потомъ надоѣлъ и выбрасываютъ какъ старую туфлю!... Нѣтъ, не на такого напали. Впрочемъ, надо подождать еще.... Дѣло можетъ обойтись еще, быть можетъ, и безъ скандала. Нѣтъ ли какой нибудь поэзіи еще? Ба! вотъ въ карманѣ. Нѣтъ, это письмо къ Брусничкину.... Вотъ, вотъ именно, что можетъ пригодиться:

И такъ, коварная, опять ты обманула,
Опять въ груди сомнѣнія змѣя!...

Живеть себѣ; не то чтобъ перваго нумера, а такъ,
годится.... Какъ будто нарочно. Кому бы отдать толь-
ко?

СЦЕНА 10.

ТРИКОПФЪ и ЕЛЕНА.

ТРИКОПФЪ.

А, да вотъ опять она. Нѣтъ, не она! Маленькая!

ЕЛЕНА.

Вы его видѣли?...

ТРИКОПФЪ.

Кассира, — что-ли?...

ЕЛЕНА.

Онъ пріѣхалъ!

ТРИКОПФЪ.

Знаю....

ЕЛЕНА.

Наконецъ-то пріѣхалъ, братецъ!

ТРИКОПЪ.

Не называйте меня братцемъ. (*Мрачно.*) Все кончено.... Грозный приговоръ судебъ долженъ совершиться надо мною. Прощайте; бездомный, отверженный, пойду бродить въ пустынь жизни, не требуя ни сочувствія, ни сожалѣнія.

ЕЛЕНА.

Что съ вами?

ТРИКОПЪ.

Я ее любилъ, вы знаете, ее ли я не любилъ? Я любилъ ее страшной, необузданной, нечеловѣческой любовью.

ЕЛЕНА.

Какъ страшно! Да кто это?

ТРИКОПЪ.

Она не говорила вамъ. Обманчивая, коварная, легко-вѣрная женщина!...

ЕЛЕНА.

Да кто же!...

ТРИКОПЪ.

Кто?... Кто, сестра твоя, ребенокъ!

ЕЛЕНА.

Ахъ! Да вы, кажется, нездоровы? Здоровы ли вы?

ТРИКОФЪ (съ горькимъ смѣхомъ).

Я нездоровъ!... Въ душѣ моей буря, въ жилахъ моихъ огонь.... Кругомъ ужасъ, запустѣніе, обманъ, позоръ.... А ты меня спрашиваешь: здоровы ли вы? Не бойся, я бодръ, я силенъ, я освѣжаю голову свою, пламенную, въ ураганахъ, я привыкъ къ насмѣшкамъ судьбы.... Но безвѣстность меня терзаетъ.

ЕЛЕНА.

Я не понимаю, все....

ТРИКОФЪ.

Вчера еще она внимала моей страстной рѣчи;—вчера еще небо улыбалось мнѣ въ ея очахъ. А сегодня, чортъ ее знаетъ.... Нѣтъ, виновать, я хотѣлъ сказать: кто постигнетъ женское непостоянство, —сегодня она холодно отвернулась отъ меня....

ЕЛЕНА.

Да что же я-то могу?

ТРИКОФЪ.

Слушай, ребенокъ. Тутъ я набросилъ нѣсколько роковыхъ, кровью и слезами написанныхъ стиховъ. Отдай ихъ, отдай, отдай! (*Вынимаетъ ошибкою письмо къ Брусничкину.*)

ЕЛЕНА.

Да я.... какъ же? Не знаю....

ТРИКОФЪ.

Отдай, отдай. Скажи сестрѣ: это его предсмертная пѣснь! Это его прощанье, — на вѣки, слышишь ли.... на вѣки!... на вѣки, на вѣки!... Черезъ полчаса я прииду за отвѣтомъ.

СЦЕНА 11.

ТЪ ЖЕ и **АДОЛЬФЪ.**

АДОЛЬФЪ.

Славный поварь у дядюшки! Ба!... Вотъ они вмѣстѣ! А, такъ эта-то?

ТРИКОФЪ (*глухимъ голосомъ*).

Возьми!....

АДОЛЬФЪ.

Ай да кузина!... Такая еще молоденькая, а ужъ....

ЕЛЕНА.

Если все, что вы говорите, правда, я исполню ваше желаніе. Только боюсь....

ТРИКОФЪ.

О, ты будешь моимъ утѣшеніемъ! Черезъ полчаса....

АДОЛЬФЪ.

Да этакъ я узнаю всё ихъ секреты. (*Кашляетъ; Елена поспышно кладетъ бумагу въ книгу.*)

ТРИКОПФЪ.

Опять этотъ горбатый кассиръ! (*Съ замъшательствомъ.*) А, здравствуйте! Я опять сюда зашелъ.

АДОЛЬФЪ.

Не беспокойтесь, г. Думкопфъ.

ТРИКОПФЪ.

Моя фамилія Трикопфъ.... Аполлонъ.

АДОЛЬФЪ.

Все равно.... Куда же вы?

ТРИКОПФЪ.

Не знаю.... куда нибудь.... накрай свѣта.... гдѣ нѣтъ обмана.

АДОЛЬФЪ.

Недалеко-ли будетъ итти, а впрочемъ счастливой дороги! (*Трикопфъ уходитъ.*)

СЦЕНА 12.

АДОЛЬФЪ и ЕЛЕНА.

АДОЛЬФЪ.

Право не знаю.... съ чего начать.... Что за домъ та-

кой? Только, что я хотѣлъ рассказать свою исторію дядѣ,—кассирь какой-то пришелъ.... Меня опять отправили въ кабинетъ. Да этакъ цѣлый день не дадутъ переодѣться....

ЕЛЕНА.

Такъ это вы—братецъ Адольфъ....

АДОЛЬФЪ.

Весь на лицо, къ услугамъ вашимъ. Извините, каковъ есть....

ЕЛЕНА.

Мы васъ такъ давно ожидаемъ. Дядюшка писалъ такъ много о васъ.... Какъ странно, неправда ли, со-всѣмъ кажется чужіе, а вѣдь близкіе родные.

АДОЛЬФЪ.

Очень странно.... а близкіе родные, такъ что и по-цѣловать васъ можно.

ЕЛЕНА.

Разумѣется, очень можно.

АДОЛЬФЪ (весело).

Даже должно. (Въ сторону.) Какая миленькая.... Еслибы.... не скотина, этотъ Думкопфъ.... (Важно.) Ну, однакоже сестрица—я вамъ братъ,—я вамъ братъ, вы мнѣ сестрица. Такъ вы, пожалуйста... я прошу васъ видѣть во мнѣ брата.

ЕЛЕНА.

Конечно, какъ же иначе....

АДОЛЬФЪ.

Такъ вы будьте со мной откровенны. Бываютъ та-
кія тайны иногда....

ЕЛЕНА.

Какія тайны?...

АДОЛЬФЪ (*съ стороны*).

Не понимаетъ!... (*Ей.*) Ну, такія есть тайны, при
которыхъ братъ можетъ пригодиться.

ЕЛЕНА.

У меня нѣтъ никакихъ тайнъ.

АДОЛЬФЪ.

Каково притворяется!

ЕЛЕНА.

Если бы были какія нибудь тайны, — у васъ лицо
такое доброе.... я вамъ сказала бы.

АДОЛЬФЪ.

Да еще кокетничаетъ. Аій, да Одесское воспитаніе!
Ну, а если сердце заговорило....

ЕЛЕНА.

Нѣтъ; у меня сердце самое молчаливое.

АДОЛЬФЪ.

Вы никого не любите?

ЕЛЕНА.

Какъ, никого? Очень люблю: во-первыхъ, папеньку, а потомъ сестру, а потомъ дяденьку, что въ Петербургѣ, а потомъ....

АДОЛЬФЪ.

А потомъ?....

ЕЛЕНА.

А потомъ буду любить, разумѣется, васъ.... вы вѣдь близкіе родственники....

АДОЛЬФЪ.

Самые близкіе.... О, да она преопасная.... Да гдѣ же другая, та лучше, та красавица, и съ такими чувствами возвышенными.... Пора бы ей прійти.

СЦЕНА 13.

ТЪ ЖЕ и БРЕМСЕНЪ.

БРЕМСЕНЪ.

Если полпроцента комисіи,—такъ не стоитъ того.... Теперь время военное. Два процента—угодно....

Пожалуй. А, вы уже познакомились? Новый кассиръ, братъ, человѣкъ толковый. Я ему про сахаръ рассказываю; а онъ говоритъ: а кофе, вы забыли? Представь, кофе-то я забылъ!

АДОЛЬФЪ.

Да прикажите наконецъ указать мнѣ мою комнату. Я хотѣлъ бы переодѣться.

БРЕМСЕНЪ.

Сейчасъ.... Ты дѣтей ужъ видѣлъ... Лизу мою видѣлъ? Два процента мало, три-можно взять.

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, старшей сестрицы я не видалъ.

ЕЛЕНА.

Она одѣвается.

БРЕМСЕНЪ.

А ты зачѣмъ не нарядилась?

ЕЛЕНА.

Да такъ.... я объ этомъ не подумала....

БРЕМСЕНЪ (звостъ).

Елизавета Ивановна.... поди-ко поздороваться съ братцомъ....

СЦЕНА 14.

ТЪ ЖЕ и **ЕЛИЗАВЕТА** (*разряженная*).

АДОЛЬФЪ.

Какъ хороша!! Еще кажется лучше!

ЕЛИЗАВЕТА.

Ахъ, Боже мой, онъ горбатый!

ЕЛЕНА.

Посмотри, какое у него доброе сердце.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да онъ уродъ!... съ горбомъ!

ЕЛЕНА.

А я и не замѣтила.... то есть, замѣтила, да не обратила вниманія.

АДОЛЬФЪ (*хочетъ поцѣловать Елизавету*).

Позвольте, сестрица.... (*Елизавета величаво протягиваетъ ему руку.*) А, вотъ какъ!...

БРЕМСЕНЪ.

Какъ же я это кофе-то забылъ. Поговорите немножко.... я сейчасъ вернусь. Два слова скажу еще только кассиру; хорошая можетъ быть операція. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 15.

ЕЛИЗАВЕТА, ЕЛЕНА и АДЛЬФЪ.

ЕЛИЗАВЕТА (*жеманно*).

Какой пріятный сюрпризь для папеньки. Вы такъ неожиданно пріѣхали.

АДЛЬФЪ.

Для васъ неожиданно, а я давно ожидалъ этой минуты. Не шутка прожить 10 лѣтъ въ Индіи! Десять лучшихъ лѣтъ! Провести всю свою молодость вдали отъ семейства, отъ родныхъ, отъ друзей, — посреди соперниковъ и враговъ, вдали отъ родины, отъ всего милого душѣ!...

ЕЛЕНА.

Бѣдный!...

АДЛЬФЪ.

Но пока бьется въ человѣкѣ сердце, — оно совсѣмъ очерствѣть не можетъ, даже и въ коммерческихъ дѣлахъ. Въ трудной моей жизни меня поддерживала одна мысль, одна надежда... что прійдетъ время и мнѣ отдохнуть. Отецъ мой и дядя, по нашему закону, вздумали породниться еще ближе. Мнѣ прислали ваши портреты. Эти портреты были моимъ талисманомъ.

ЕЛЕНА (*необдуманно*).

А который вамъ больше понравился?

АДОЛЬФЪ.

Оба поразили меня.... Но теперь я вижу, какъ они еще далеки отъ подлинниковъ.

ЕЛИЗАВЕТА *(въ сторону)*.

Онъ говоритъ не дурно.... Но горбъ, горбъ какой страшный.

АДОЛЬФЪ.

Ваши портреты придали мнѣ новую жизнь. Я рѣшился бросить все дѣла и спѣшить въ Одессу. Приѣзжаю въ Константинополь.... Слышу—война съ Россіей! Неудобно-ли ѣхать объѣздомъ? Я долго не думаю, начинаю фелуку, — и вотъ какъ вы меня видите!...

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ же вы не боялись?...

АДОЛЬФЪ.

Я глядѣлъ на вашъ портретъ и надѣялся васъ видѣть.

ЕЛЕНА.

На ея портретъ!... *(Задумывается.)*

АДОЛЬФЪ.

И теперь я такъ счастливъ! Теперь я могу быть такъ счастливъ, если вы захотите только подтвердить обѣщанье вашего батюшки!...

ЕЛЕНА.

Но, позвольте...

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, не мѣшайте, пожалуйста. Я вамъ не мѣшаю же....

ЕЛЕНА.

Что это?.... *(Уходитъ въ углубленіе.)*

ЕЛИЗАВЕТА.

И вы не боялись для вашего здоровья?...

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ....

ЕЛИЗАВЕТА.

При вашемъ тѣлосложеніи?...

АДОЛЬФЪ.

Я здоровъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Скажите пожалуйста... съ вами давно случилось это несчастіе?

АДОЛЬФЪ.

Какое?....

ЕЛИЗАВЕТА.

А вотъ это.... съ рожденія, или по несчастному случаю?

АДОЛЬФЪ (*оглядывается*).

Что?... А, горбъ мой! Нѣтъ-съ, не съ рожденья. Послѣ выросъ; по случаю....

ЕЛИЗАВЕТА.

Оно васъ очень огорчаетъ?..

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ-съ, ни сколько. Я человѣкъ беззаботный и прямой, т. е. въ иносказательномъ смыслѣ, я не гляжу, что сзади меня дѣлается. Да и за чѣмъ? Мужемъ я могу быть не хуже другаго, даже, можетъ быть, лучше.

№ 5

Словамъ, повѣрьте, горбуна:
Съ судьбой онъ борется упрямо.
Хоть не пряма его спина;
За то глядитъ на всѣхъ онъ прямо.
Да и жену, повѣрьте, я
Душевымъ не подвергну пыткамъ:
Всѣ съ недостатками мужа, —
А я одинъ всегда съ избыткомъ!

Да-съ! У меня, слава Богу, недостатка нѣтъ, или, можно сказать, даже лишнее.

ЕЛИЗАВЕТА.

Я удивляюсь, какъ вы можете шутить такъ. Я признаюсь, на вашемъ мѣстѣ не была бы такъ хладнокровна. Вѣдь это хуже чѣмъ несчастье! Это несчастье такое....

АДОЛЬФЪ.

Смѣшное, хотите вы сказать.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы сами это говорите.

АДОЛЬФЪ.

Стыдно тому, кто смѣется... надъ человѣческой природной немощью. На это не нужно ни ума, ни сердца.

ЕЛИЗАВЕТА.

Конечно.

АДОЛЬФЪ.

Не вы ли давеча говорили, что можете осчастливить человѣка отверженнаго, даже безобразнаго.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы слышали?

АДОЛЬФЪ.

Да, я давеча сидѣлъ тутъ за конторкой, я восхи-

щался вашими чувствами. Вы говорили: что любовь, какъ милосердіе, не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да-съ.... Это конечно все очень хорошо, въ стихахъ.... въ романѣ,—но въ самомъ дѣлѣ быть женою человѣка.... такого.... такого....

АДОЛЬФЪ.

Ну, ужъ говорите.... горбатаго.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ну, да. Вѣдь придется гулять съ нимъ подъ ручку, на бульварѣ. Всѣ станутъ смотрѣть, показывать на него..... Еще бы если онъ имѣлъ какое нибудь высокое значеніе, или могъ бы окружить жену всеми прихотями роскоши.

АДОЛЬФЪ (*сухо*).

Нѣтъ-съ. Я, кромѣ горба, ничего не имѣю.

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сторону*).

Онъ бѣдный!.... (*Вслухъ*). Какъ вы странно глупите. Ваша досада впрочемъ очень извинительна; впрочемъ, виновата ли я? За чѣмъ вы сами не прислали своего портрета изъ Индіи? Тогда бы вамъ не нужно было и предпринимать такого труднаго путешествія.

АДОЛЬФЪ, *(съ чувствомъ)*.

Да-съ; точно, напрасно я спѣшилъ, напрасно пренебрегалъ опасностями. Оставаться бы мнѣ въ Индіи! ... Такъ, что же? Потому что я горбунъ, я долженъ отказаться отъ всѣхъ радостей, отъ счастья, отъ семейства? Потому что я горбунъ, я долженъ встрѣтить насмѣшку тамъ, гдѣ я прошу любви... Да у насъ, въ Индіи, и у дикарей нѣтъ такихъ понятій. У васъ сестрица, я вижу, поэзія только на словахъ, а въ душѣ сухо, какъ въ Аравійской пустынѣ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы, кажется, ... забываете....

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ! Я этого никогда не забуду. Такъ вотъ за чѣмъ я такъ торопился!... Вотъ всѣ мои надежды, которыми я жилъ такъ долго!... Прощайте!... Отправляюсь снова въ Индію, въ Африку; пойду таскаться по бѣлому и черному свѣту. Взвалю на спину котомку. Да и взваливать нечего.... и безъ того грузъ порядочный! Что дѣлать мнѣ теперь?.... Написать батюшкѣ, что все кончено; что воли его я не могу исполнить.... А грустно, право! очень грустно! обидно даже.... Развѣ поступить по индейски?

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ, по индейски?....

АДОЛЬФЪ.

У насъ въ Индіи вотъ какой обычай: когда чело-
вѣкъ получаетъ отказъ отъ дѣвицы или вдовы, избран-
ной его сердцемъ, онъ почитается недостойнымъ жиз-
ни и обязанъ самъ на себя наложить руки. Въ против-
номъ случаѣ, общественное мнѣніе, налагаетъ на него
неизгладимую печать безчестья и презрѣнія, какъ на
труса.

ЕЛЕНА.

Ну, а скажите, пожалуйста, Адольфъ, я хотѣла
спросить васъ.... что же дѣлаютъ въ Индіи дѣвицы
или вдовы, которыя сами подвергаются отказу мужчи-
ны. Должны ли они также лишать себя жизни?

АДОЛЬФЪ.

Непремѣнно. Только зачѣмъ же вы это спрашиваете?

ЕЛЕНА.

А за тѣмъ, что я въ одномъ положеніи съ вами: я
получила такой же отказъ, какъ и вы. Вы о томъ и
не подумали?

АДОЛЬФЪ.

Да, кто же оскорбилъ васъ отказомъ?

ЕЛЕНА.

Да вы сами. Дѣлая предложеніе сестрѣ, вы меня

отвергали. Скажите мнѣ, обязана ли я, по индейскимъ обычаямъ, лишить себя жизни? Я бы этого очень не желала; мнѣ хочется пожить еще....

АДОЛЬФЪ.

Вы прелестное созданіе!.... Да нѣтъ,—что я говорю.... Какъ вамъ грѣшно! какъ вамъ не стыдно! Вы еще хуже сестрицы!....

ЕЛЕНА.

Я?....

АДОЛЬФЪ.

Вы смѣетесь надо мною.... Она, по крайней-мѣрѣ, говоритъ откровенно, а вы еще шутите!

ЕЛЕНА.

Я?....

АДОЛЬФЪ.

Конечно!.... у васъ совсѣмъ другое на умѣ.

ЕЛЕНА.

У меня?...

АДОЛЬФЪ (*ей на ухо*).

Да, вотъ и улика на лицо!

СЦЕНА 16.

ТВ ЖЕ и ТРИКОФЪ.

ТРИКОФЪ (*входитъ мрачно и декламируетъ*).

Конецъ! еще одинъ ударъ судьбы.
Къ покою тихо отойду я!
Но смерть я встрѣчу безъ мольбы,
Привѣтомъ братскимъ поцѣлуя.
И такъ, отъ жизненной борьбы
Отрадно тихо отдохнуть!

АДОЛЬФЪ.

Могъ же ей понравиться такой дуракъ!

ТРИКОФЪ.

Было время... обманы и мечты роємъ толпились въ душѣ моей. Я вѣровалъ во все прекрасное, такъ просто, такъ молодо, такъ горячо! Я пилъ довѣрчиво изъ кубка жизни! Но кубокъ разбился, струна порвалась.... сомнѣніе вкралось черной змѣей въ мое сердце.... Ну, что? Жизнь или смерть?

ЕЛИЗАВЕТА (*тихо*).

Берегитесь! мы не одни здѣсь.

ТРИКОФЪ.

Не бойтесь: онъ все знаетъ. Онъ мнѣ пріятель!...
Здравствуй, братецъ!

АДОЛЬФЪ.

Да-съ.... я все знаю; я не буду мѣшать замысламъ
Г. Перекопа.

ТРИКОФЪ.

Моя фамилія Трикопфъ.... Аполлонъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ же, если онъ все знаетъ, онъ могъ обращаться
ко мнѣ?...

АДОЛЬФЪ

По крайней-мѣрѣ, пріѣздъ мой кому нибудь да пригодится.... я самъ думалъ, долго думалъ о семейномъ
счастьѣ.... но, видно, оно не для меня! Жилъ же я
вѣкъ свой одинокій, холостой. Не привыкать же!...

ТРИКОФЪ.

Что это онъ такъ разчувствовался, горбатый кас-
сиръ?

АДОЛЬФЪ.

Въ рукахъ моихъ находятся кой-какія незначитель-
ныя цѣнности....

ТРИКОФЪ.

Еще бы! Цѣлая касса!...

АДОЛЬФЪ.

Если они нужны для вашего счастья, я отдамъ ихъ
вамъ.

ТРИКОФЪ.

Что это? Это слишкомъ; этого я не ожидалъ. Вы хотите носягнуть на кассу Г. Бремсена.

АДОЛЬФЪ.

Что за вздоръ вы говорите, Г. Трикофъ!

ТРИКОФЪ.

Трикофъ.... Анслонъ.

АДОЛЬФЪ.

Ну, все равно. Какъ смѣете вы говорить, что я стану располагать чужою собственностію?

ТРИКОФЪ.

Да изъ чего вы горячитесь, господинъ кассиръ.

АДОЛЬФЪ.

Какой кассиръ?

ЕЛЕНА.

Какой кассиръ?

АДОЛЬФЪ.

Что я за кассиръ?

ТРИКОФЪ.

Такъ вы не кассиръ?

ЕЛЕНА.

Какой онъ кассиръ! это братецъ нашъ, Адольфъ.

ЕЛИЗАВЕТА:

А вы не знали?

АДОЛЬФЪ.

Я братъ.

ЕЛЕНА.

Онъ братъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Онъ братъ.

ТРИКОФЪ.

Онъ братъ?

АДОЛЬФЪ.

И даже, вопреки разсудку, я радъ....

ЕЛЕНА:

Онъ радъ?

ЕЛИЗАВЕТА:

Онъ радъ?....

ТРИКОФЪ.

Онъ радъ?

АДОЛЬФЪ.

.... Вамъ пригодиться не на шутку.

№ 6.

Да, по влеченье моему
И съ невозможностью не споря,
Кассиръ я вамъ не по найму,
А просто такъ себѣ, отъ горя!

ТРИКОПФЪ.

О, если вы братъ.... Это дѣло другое!.... Великодушный смертный, прійди въ мои объятія! Я принимаю твои подарки. Дай прижать мнѣ тебя къ моему истлѣвшему, испепелившемуся человѣческому сердцу! Обними меня!

АДОЛЬФЪ, *(отталкивая его)*.

Позвольте.... Вамъ-то я ничего не дамъ, т. е. даль бы, да совсѣмъ другое.... *(Елена.)* Вамъ я отдаю все немногое, что могъ сохранить я въ свою жизнь. Дайте мнѣ руку, милая Елена, дайте мнѣ руку господинъ Ольдекопфъ! Будьте счастливы.... я не буду мѣшать вашей любви. Я склоню, уговорю дядюшку.... Я все знаю: и свиданья ваши въ дядюшкиномъ кабинетѣ во время биржи, и любовь вашу, и даже памятный день, 2 Октября....

ЕЛИЗАВЕТА.

Что это онъ говорить?

ЕЛЕНА.

Да, нѣтъ, — что вы, Адольфъ? Я не люблю его вовсе.... я даже вовсе его не люблю....

АДОЛЬФЪ.

Не притворяйтесь же.... давеча я здѣсь стоялъ.... я все слышалъ.

ЕЛЕНА.

Да что вы слышали?

АДОЛЬФЪ.

Онъ говорилъ вамъ ты.

ЕЛЕНА.

Вольно ему Онъ поэтъ, сумасшедшій, т. е. всѣмъ говорить ты.

АДОЛЬФЪ.

Онъ передалъ вамъ письмо.

ЕЛЕНА.

Ахъ, я и забыла. Совсѣмъ не письмо, а стихи какіе-то, къ сестрѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да, я просила господина Трикопфа принести мнѣ стихи....

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, такъ это вы, кузина, любите стихи; такъ 2 Октября.... это съ вами? А.... такъ позвольте же мнѣ передать вамъ, что слѣдуетъ.... *(Вынимаетъ изъ книги бумагу и хочетъ отдать Елизаветѣ.)*

СЦЕНА 17.

ТЪ ЖЕ и БРЕМСЕНЪ.

БРЕМСЕНЪ:

Это что за счетъ у тебя въ рукахъ?

АДОЛЬФЪ.

Этò не счетъ, дядюшка, это стихотвореніе господина, какъ бишь, васъ?

БРЕМСЕНЪ.

Стишоночки?... Ахъ, вы здѣсь господинъ Трикопфъ!... Здравствуйте, здравствуйте, что вамъ угодно?

ТРИКОПФЪ.

Мнѣ-съ, я не знаю, не смѣю.

ЕЛИЗАВЕТА (скоро).

Что тамъ написано?

ТРИКОПФЪ.

Ничего,—поэзія, отчаяніе.... рифмы порядочныя.... Иванъ Ивановичъ, читайте вслухъ; это слабое произведеніе вырвалось изъ глубины сердца.... это послѣдній крикъ поэта, убитаго горемъ и насмѣшливыми ударами судьбы. Оно вамъ выскажетъ мои надежды и мое отчаяніе....

БРЕМСЕНЪ.

Что это такое?... «Старикъ Бремсенъ не что иное какъ толстый ходячій гроссъ-бухъ»....

ТРИКОПЪ.

Нѣтъ-съ.... Это не то. Это письмо къ Брусничкину.... Вотъ настоящіе стихи.... Я самъ прочту:

И такъ коварная, опять ты измѣнила...

БРЕМСЕНЪ.

Нѣтъ, позвольте.... тутъ много интереснаго.... тутъ именно высказаны ваши надежды. (*Читаетъ.*) «Дружище, Брусничкинъ, пришли мнѣ пожалуйста еще 5 цѣлковыхъ. Вѣришь ли, безъ гроша сижу. Сапоговъ даже не начто купить. Съ заплатками же ходить не возможно при любовныхъ похожденияхъ»....

АДОЛЬФЪ.

Э, да это очень интересно.... что-то въ родъ Гоголя....

ТРИКОПЪ.

Да позвольте, прочтите это:

И такъ коварная....

АДОЛЬФЪ.

Да не мѣшайте.... господинъ Трингельдъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Боже мой... что я сдѣлала?...

БРЕМСЕНЪ.

«Дѣлишки мои идутъ исправно. Старикъ Бремсенъ не что иное, какъ толстый ходячій гроссъ-бухъ. Дальше носа ничего не видитъ». (*Благодарю покорно!*)
Меньшая сестра совершенный ребенокъ. Ее въ сторону. За то какъ хороша моя Лиза. Съ какимъ чувствомъ читаетъ стихъ! У нея тысячь полтораста будетъ приданого, а это для нашего брата не дурно! Она уже призналась мнѣ въ любви».... Это что значить?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Не вѣрьте, не правда!

БРЕМСЕНЪ.

....«Когда старикъ уходитъ на биржу, мы читаемъ, братецъ, читаемъ всякую чушь, а между тѣмъ и мои аферы подвигаются. Дѣло, кажется, въ шляпѣ. Старика принудимъ, согласится; и тогда я тебѣ отдамъ 375 рублей, т. е. съ нынѣшними 380, которые я тебѣ состою долженъ! Твой Трикопфъ». Прекрасно!... (*Молчаніе.*)

АДОЛЬФЪ.

Дядюшка! Господинъ Трикопфъ бѣденъ. Бѣдность не порокъ.

БРЕМСЕНЪ.

Да чортъ ли въ ней!

АДОЛЬФЪ.

Мнѣ кажется, что дѣло зашло такъ далеко, что для репутаціи сестрицы, Елизаветы Ивановны, этотъ бракъ долженъ состояться.

БРЕМСЕНЪ.

Пускай идетъ за кого хочетъ, я гроша не дамъ. Все свое состояніе отдамъ Еленѣ.

АДОЛЬФЪ.

Еленѣ, я надѣюсь, будетъ не нужно.

БРЕМСЕНЪ.

А почему же?...

АДОЛЬФЪ.

Да вотъ почему. Позвольте мнѣ только спѣть пѣсню. Цѣлое утро не даютъ мнѣ времени переодѣться. Эй, человѣкъ! Сними братаецъ, съ меня пальто, да поосторожниѣ.... горба не задѣнь. Ну, хорошо, вотъ такъ, спасибо. Ну, а теперь отвяжи горбъ; тяжелъ проклятый!

ЕЛИЗАВЕТА.

Такъ онъ не горбатый?

АДОЛЬФЪ.

Поддай-ко его сюда теперь. Вотъ мой горбъ, милая Елена, (*Кладетъ къ ея ногамъ.*) а вотъ и я самъ! (*Становится на кольни.*)

БРЕМСЕНЪ.

Что это значить?

АДОЛЬФЪ.

А это значить, дядюшка, что теперь война. Я приѣхалъ на турецкой фелукѣ. Меня могли ограбить, взять мои чемоданы.... а горбъ, дѣло не завидное; никто не отниметъ. Я все, что имѣю, и зашилъ въ горбъ. Спасибо ему.... онъ навелъ меня на счастье.... Отдайте мнѣ Елену....

БРЕМСЕНЪ.

Разсчетливый малый. Сынъ мой, обними меня!

АДОЛЬФЪ.

Вы мнѣ цѣлый день не давали переодѣваться.... я бы давно вамъ разсказалъ свою исторію. Да всѣ здѣсь заняты такъ.... говорилъ же я, что все мое состояніе въ горбу. Ну, вотъ оно.

БРЕМСЕНЪ.

Да тутъ, братецъ, жемчугъ, брилліанты, шали....

АДОЛЬФЪ.

Есть кой-какіе камышки. Всякая дрянь.... Это невѣстѣ моей подарокъ.

ЕЛЕНА.

А вы, безъ горба, еще лучше, Адольфъ.

БРЕМСЕНЪ.

Фектуры нѣтъ у тебя. На сколько всего?

АДОЛЬФЪ.

Милліона на два.

БРЕМСЕНЪ.

Серебромъ?

АДОЛЬФЪ.

Конечно; на ассигнаціи теперь болѣе не считаютъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ай, до чего довели вы меня. Что мнѣ останется?...

ТРИКОПЪ.

А поэзія?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Ахъ, я несчастная!

АДОЛЬФЪ.

Да это все пустяки. Лучшее богатство я здѣсь нашель.

ЕЛЕНА.

Гдѣ же?

АДОЛЬФЪ.

Въ твоёмъ сердцѣ!

БРЕМСЕНЪ.

Однако, братецъ, я все это положу въ кассу. Теперь мы напишемъ новую фирму: Бремсенъ и Ко....

АДОЛЬФЪ.

И компанія....

БРЕМСЕНЪ.

Ну, пойдёмъ, запишемъ аккуратно.

АДОЛЬФЪ.

Пишите пока одни.... Мнѣ надо поговорить съ доброй, съ милой моей женой. Я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этой минуты.... Но, однакожъ, позвольте....

№ 7.

Я нетерпѣнье пересилю,
Какъ ни мила моя жена,
Чтобъ знать какая водевилю
Сегодня участь быть должна?
И вотъ, опять согнулъ я спину,
Предъ вами сгорбивши стою!
На эту легкую картину
Улыбку бросите-ль свою?
Успѣхъ ли будетъ, иль паденье....
Уже-ль мы бились о пустомъ?
И мнѣ отъ васъ, безъ одобренья,
Уйти и съ носомъ и съ горбомъ....
Но если вамъ сказать угодно,
Что не убили мы бобра...
Тогда я выпрямлюсь свободно,
И съ плечь вдругъ свалится гора!